

(1) Одно желание было у лейтенанта Бориса Костяева: скорее уйти от этого хутора, от изуродованного поля подальше, увести с собой остатки взвода в тёплую, добрую хату и уснуть, уснуть, забыться.

(2) Но не всё ещё перевидел он сегодня.

(3) Из оврага выбрался солдат в маскхалате, измазанном глиной. (4) Лицо у него было будто из чугуна отлито: черно, костляво, с воспалёнными глазами. (5) Он стремительно прошёл улицей, не меняя шага, свернул в огород, где сидели вокруг подождённого сарая пленные немцы, жевали чего-то и грелись.

— (6) Греетесь, живодёры! (7) Я вас нагрēju! (8) Сейчас, сейчас... — солдат поднимал затвор автомата срывающимися пальцами.

(9) Борис кинулся к нему. (10) Брызнули пули по снегу... (11) Будто испугнутые вороны, заорали пленные, бросились врассыпную, трое удирали почему-то на четвереньках. (12) Солдат в маскхалате подпрыгивал так, будто подбрасывало его землёю, скаля зубы, что-то дикое орал он и слепо жарил куда попало очередями.

— (13) Ложись! - Борис упал на пленных, сгребая их под себя, вдавливая в снег.

(14) Патроны в диске кончились. (15) Солдат всё давил и давил на спуск, не переставая кричать и подпрыгивать. (16) Пленные бежали за дома, лезли в хлев, падали, проваливаясь в снег. (17) Борис вырвал из рук солдата автомат. (18) Тот начал шарить на поясе. (19) Его повалили. (20) Солдат, рыдая, драп на груди маскхалат.

— (21) Маришку сожгли-и-и! (22) Селян в церкви сожгли-и-и! (23) Мамку! (24) Я их тыщу... (25) Тыщу кончу! (26) Гранату дайте!

(27) Старшина Мохнаков придавил солдата коленом, тёр ему лицо, уши, лоб, грёб снег рукавицей в перекошенный рот.

— (28) Тихо, друг, тихо!

(29) Солдат перестал биться, сел и, озираясь, сверкал глазами, всё ещё накалёнными после припадка.

(30) Разжал кулаки, облизал искусанные губы, схватился за голову и, уткнувшись в снег, зашёлся в беззвучном плаче. (31) Старшина принял шапку из чьих-то рук, натянул её на голову солдата, протяжно вздохнув, похлопал его по спине.

(32) В ближней полуразбитой хате военный врач с засученными рукавами бурого халата, напяленного на телогрейку, перевязывал раненых, не спрашивая и не глядя — свой или чужой.

(33) И лежали раненые вповалку — и наши, и чужие, стонали, вскрикивали, плакали, иные курили, ожидая отправки. (34) Старший сержант с наискось перевязанным лицом, с наплывающими под глазами синяками, посплюнул сигарку, прижёт и засунул её в рот недвижно глядевшему в пробитый потолок пожилому немцу.

— (35) Как теперь работать -то будешь, голова? — невнятно из-за бинтов бубнил старший сержант, кивая на руки немца, замотанные бинтами и портянками. — (36) Познобился весь. (37) Кто тебя кормить -то будет и семью твою? (38) Фюрер? (39) Фюреры, они накормят!..

(40) В избу клубами вкатывался холод, сбегались и сползались раненые. (41) Они тряслись, размазывая слёзы и сажу по ознобелым лицам.

(42) А бойца в маскхалате увели. (43) Он брёл, спотыкаясь, низко опустив голову, и всё так же затажно и беззвучно плакал. (44) За ним с винтовкой наперевес шёл, насупив седые брови, солдат из тыловой команды, в серых обмотках, в короткой прожжённой шинели.

(45) Санитар, помогавший врачу, не успевал раздевать раненых, пластать на них одежду, подавать бинты и инструменты. (46) Корней Аркадьевич, из взвода Костяева, включился в дело, и легко раненый немец, должно быть из медиков, тоже услужливо, сноровисто начал обихаживать раненых.

(47) Рябоватый, кривой на один глаз врач молча протягивал руку за инструментом, нетерпеливо сжимал и разжимал пальцы, если ему не успевали подать нужное, и одинаково угрюмо бросал раненому:

— Не ори! (48) Не дёргайся! (49) Ладом сиди! (50) Кому я сказал... (51) Ладом!

(52) И раненые, хоть наши, хоть исчужа, понимали его, послушно, словно в парикмахерской, замирали, сносили боль, закусывая губы.

(53) Время от времени врач прекращал работу, вытирал руки о бязевую онучу, висевшую у припечка на черенке ухвата, делал козью ножку из лёгкого табака.

(54) Он выкуривал её над деревянным стиральным корытом, полным потемневших бинтов, рваных обшук, клочков одежды, осколков, пуль. (55) В корыте смешалась и загустела брусничным киселём кровь раненых людей, своих и чужих солдат. (56) Вся она была красная, вся текла из ран, из человеческих тел с болью. (57) «Идём в крови и пламени, в пороховом дыму».

(По В.П. Астафьеву)